

Колокольчик, который достал Чоу Хуайшэн, был безмолвным. Что же это такое? Так называют колокольчики, не способные издавать звон. В стране Юй подобные вещи обычно использовали даосы, хотя некоторые кочевые племена вешали их на шею скоту, чтобы за ним было легче следить. В даосской же традиции колокольчики служили для сотворения или разрушения мистических построений. Большинство монахов пользовались звонкими колокольцами, и лишь мастера с глубоким духовным знанием умели обращаться с безмолвными. Именно такой и принадлежал Истинному владыке Сюаньцину.

— Привяжи к этой веревке восемь безмолвных колокольчиков, а послекрепи её на пихте! — с этими словами Истинный владыка бросил перед Чоу Хуайшэном самую толстую бечеву.

Сам старец принялся резать оставшуюся веревку. Он разделил её на сто тридцать три куска, причем каждый отличался по длине от остальных. Затем он привязал по одному безмолвному колокольчику к концу каждого обрезка.

Чоу Хуайшэн беспрекословно повиновался учителю, закрепив веревку с восемью колокольчиками на стволе пихты.

— Поторопись, привяжи остальные к обрезкам! — поторопил его Сюаньцин. — Живее!

В дремучих лесах горы Небесного Духа таилось немало ночных хищников. Каждая упущенная минута подвергала Ань Цзыяня смертельной опасности. И хотя гора была укутана защитными барьерами, те оберегали лишь от людей. Дикие звери и птицы проходили сквозь них беспрепятственно: даже если лесной хищник случайно наступал на око строя, это ничуть не вредило древнему плетению.

Примерно через четверть часа Хуайшэн управился со всеми веревками. Все это время Истинный владыка Сюаньцин очерчивал вокруг пихты круг Восьми триграмм, втыкая в узловые точки схемы тонкие бамбуковые колышки. Вскоре мистический узор был завершен.

— Учитель, что делать дальше? — спросил Хуайшэн.

Хотя он примерно догадывался, к чему клонит наставник, тонкостей этого ритуала юноша не знал.

— Теперь привяжи один конец каждого обрубка к бамбуковым колышкам в триграммах, а второйкрепи на красной бечеве, обвивающей пихту. И поспеши!

Связать концы было делом нехитрым, но из-за разной длины веревок и строгого распределения каждой нити по своим местам работа потребовала предельной сосредоточенности и времени.

Используя пихту как средоточие — око строя, Истинный владыка сотворил малый массив, бывший точной, уменьшенной копией всех защитных преград горы Небесного Духа. Достав

приготовленный заранее компас-лопань, старец неторопливо обошел плетение: сначала трижды влево, затем трижды вправо. Вернувшись на исходную точку, он сложил пальцы правой руки в священный жест — вытянул средний и указательный, поднес их к губам и тихо зашептал слова заклинания. Едва смолкли последние звуки тайного напева, Сюаньцин уверенно зашагал к тому месту, где слабо мерцал блуждающий болотный огонек.

Тем временем затерявшийся в лабиринте иллюзий Ань Цзыянь чувствовал, что его силы на исходе. Сознание ускользало, веки тяжелели, увлекая его в глубокий сон. Но стоило ему смежить веки, как перед глазами возникло видение.

Он узрел родную усадьбу принца-регента, где провел все детство. У ворот стояли его отец-ван, папа и младший брат. Они ласково смотрели на него. Цзыяню нестерпимо захотелось сделать шаг навстречу. В душе поднялась волна тихой благодарности небесам за то, что перед смертью ему позволили хотя бы мельком увидеть родные лица. Теперь он мог уйти без сожалений.

Юноша протянул слабеющую руку к призрачным силуэтам близких, стоявших у ворот усадьбы, и медленно, пошатываясь, двинулся вперед. Однако истощенное тело подвело его: колени подогнулись, и он рухнул на сырую землю. Как он ни бился, как ни пытался подняться, мышцы не слушались. Усадьба и родные начали таять, медленно растворяясь в клубах серого тумана.

«Значит, все это лишь иллюзия... Очередная ловушка великого массива?»

Сколько же еще кругов этого лабиринта ему суждено пройти? Впрочем, даже такого мимолетного видения оказалось достаточно, чтобы согреть его остывающее сердце. Он был благодарен и за это.

Цзыянь тихо прикрыл глаза, сдаваясь на волю тьмы.

— Пять стихий: металл, дерево, вода, огонь, земля. Небо, земля и человек — едины. Массив, отворись! — звучно произнес заклинание даос.

В то же мгновение один из безмолвных колокольчиков на веревке задрожал и забился из стороны в сторону, словно от невидимого ветра. Удивительно, но в малом массиве зашевелился лишь он один, в то время как остальные застыли неподвижно, храня гробовое молчание.

Сюаньцин убрал компас и быстро подошел к дрожащей нити.

— Дай мне ножницы! — приказал старец, протянув руку.

Хуайшэн тут же выудил из походного мешка инструмент и вложил его в ладонь наставника.

Сюаньцин перехватил ножницы, не сводя сосредоточенного взгляда с колеблющегося колокольчика. Улучив нужную секунду, он резким движением перерезал натянутую бечеву надвое, а затем одним уверенным рывком выдернул из земли соответствующий бамбуковый колышек.

— Учитель, неужели этого достаточно, чтобы отыскать Его Высочество наследника? — с некоторым сомнением спросил Хуайшэн.

Как бы ни была велика духовная сила его наставника, ему казалось невероятным, что с помощью такого простого ритуала можно взломать сложнейшую систему ловушек. Ведь старец сам когда-то признавался, что потратил больше двух месяцев на возведение этого цепного строя.

— Взглянь-ка туда, Хуайшэн.

Старец указал пальцем в сторону слабо мерцающего болотного огня. Юноша проследил за его жестом и замер: прямо на сырой траве, там, где только что вился призрачный свет, лежал бледный, неподвижный Ань Цзыянь.

— Но как такое возможно?.. — прошептал Хуайшэн, не веря собственным глазам.

Благоговение перед могуществом учителя наводнило его душу, а за недавние скептические мысли сделалось невыразимо стыдно.

Истинный владыка лишь загадочно улыбнулся в усы, ничего не объясняя. Только он сам понимал суть произошедшего. Правда, теперь ему придется потратить немало времени и сил, чтобы восстановить поврежденный узел барьера, иначе весь цепной строй утратит свою безупречную целостность.

Принцип работы этой магии был прост, но гениален. В свое время Сюаньцин посадил эту пихту посреди соснового бора в качестве главного ока строя, а вокруг наметил сто тридцать три узловые точки, ставшие очагами вспомогательных массивов. Очерченный им круг Восьми триграмм в точности повторял схему древнего барьера. Опираясь на изначальный чертеж, он вновь связал главное око — пихту — со вспомогательными точками-колышками с помощью веревок и безмолвных колокольчиков. Прочитанное заклинание заставило нужный колокольчик заколебаться, указав, в каком именно из ста тридцати трех малых лабиринтов блуждает Цзыянь. Стоило перерезать связующую нить и вырвать колышек, как конкретная иллюзорная зона рухнула, явив пропавшего юношу миру.

Пока Чоу Хуайшэн бережно поднимал беспамятного юношу на руки, Истинный владыка Сюаньцин с компасом в руках вернулся к месту, где лежал Цзыянь. Он вновь забормотал заклинание:

— Пять стихий: металл, дерево, вода, огонь, земля. Небо, земля и человек — едины. Массив, замкнись!

Затем он подошел к малому макету построения и проделал обратный ритуал: обошел его трижды вправо, а после — трижды влево. Закончив, он снял веревки с пихты, выдернул оставшиеся бамбуковые колышки и, отломив сосновую ветку, тщательно замел начерченный на земле рисунок Восьми триграмм.

Собрав вещи, они тронулись в путь. Чоу Хуайшэн нес Ань Цзыяня на спине. На самом деле, монастырь находился совсем близко — стоило лишь миновать заветную пихту, и тропинка вывела бы путников прямо к воротам обители. Никто не мог предугадать, что обессиленный юноша рухнет именно в самом средоточии строя. Да и око массива, созданное Сюаньцином, отличалось от обычных: оно служило не просто узлом крепления сил, но и само по себе являлось автономной, весьма коварной ловушкой.

Примерно через полчаса они наконец вышли к даосскому монастырю. На крыльце их уже дожидались ученики Истинного владыки. Один из молодых послушников выставил перед дверями заранее подготовленную жаровню с углями, чтобы возвратившиеся перешагнули через огонь. Другие окропили их водой с помощью веток помело. В стране Юй издавна чтили этот обычай: путник, возвращавшийся из дальних краев, должен был очиститься пламенем и благовонной влагой, дабы смыть с себя дорожную скверну, злых духов и принесенные из чужих земель несчастья.

— Ци Сю, ступай подготовь покои в Павильоне, Хранящем Облака, — распорядился Истинный владыка Сюаньцин. — Хуайшэн, неси наследника за мной. Остальные — свободны, возвращайтесь к своим послушаниям.

С этими словами старец зашагал в глубь монастырской территории.

Юноша не знал, что задумал его учитель, но противиться воле наставника не посмел. Поправив бесчувственного Цзыяня на спине, он послушно последовал за быстро удаляющейся фигурой даоса. Ученики молча разошлись по своим делам.

Сюаньцин привел их к бамбуковой роще, над которой даже в ночной прохладе лениво вились струйки сизого пара. Это место считалось на горе Небесного Духа заповедным: без личного дозволения Истинного владыки сюда не смел ступить ни один послушник. Чоу Хуайшэн и сам оказался здесь впервые. Сколько он ни всматривался сквозь густую пелену тумана, вокруг высились лишь бесконечные зеленые стволы бамбука. Ничего примечательного в роще на первый взгляд не было, и юноша искренне недоумевал, почему учитель столь строго оберегает ее границы от посторонних глаз.

Они шли по узкой тропе около десяти минут, пока старец наконец не остановился. Перед ними, укрытый сенью бамбуковых крон, раскинулся небольшой природный водоем, над зеркальной гладью которого клубился густой теплый пар. Оказалось, в самом сердце запретной рощи скрывался горячий источник.

Впрочем, этот источник разительно отличался от тех, что Хуайшэн видел прежде. До того как уйти на гору Небесного Духа, он частенько бывал на целебных водах вместе с дедом. Те ключи всегда резко пахли серой. Здесь же воздух был чист, а от воды исходил едва уловимый, изысканный аромат, природу которого юноша никак не мог определить.

— Опusti его на землю, — негромко произнес Сюаньцин.

Хуайшэн осторожно спустил Цзыяня со спины, бережно поддерживая за плечи.

— Раздень его и опусти в купель.

Хотя оба они были мужчинами, необходимость разоблачать чужого человека смутила юношу. Поколебавшись мгновение, он все же поборол неловкость и принялся распутывать сложные узлы верхних одежд наследника, оставив на нем лишь тонкие нижние рубаху и штаны.

— Нижнее белье тоже сними, — бесстрастно добавил даос.

От этих слов краска смущения мгновенно залила лицо Хуайшэна. За всю свою жизнь он толком не видел ничьего нагого тела, кроме собственного. Даже живя в обители, где имелась общая купальня, он никогда не мылся вместе со всеми, предпочитая приходить туда глубокой ночью, когда вокруг не оставалось ни души. Он надеялся, что достаточно будет снять лишь верхнее платье, но наставник требовал полного обнажения.

Бросив короткий взгляд на невозмутимого учителя, Хуайшэн досадливо взъерошил волосы на затылке. Делать было нечего. Он вновь опустился на колени перед бесчувственным юношей и послушно стянул с него остатки одежды.

Взглянув на обнаженное тело Ань Цзыяня, Хуайшэн невольно замер. Скрытый до этого под ворохом пышных шелковых одеяний, юноша оказался пугающе, невероятно худ. Казалось, под тонкой кожей проступал каждый сустав, каждая косточка — живой скелет, обтянутый бледной плотью. В призрачном свете луны, пробивавшемся сквозь стебли бамбука, эта худоба казалась совсем мертвенной. Кожа Цзыяня отливала нездоровой, болезненной белизной, и лишь черты его лица сохраняли благородную мягкость. Смотря на это изможденное создание, Хуайшэн ощутил, как в груди шевельнулась странная, щемящая жалость.

— Полно глазеть, опускай его в воду, пока он совсем не замерз, — негромко поторопил старец.

Хотя от горячего источника исходило спасительное тепло, ночной воздух на горе Небесного Духа был суров. Даже в разгар знойного лета сумерки здесь приносили с собой почти осеннюю прохладу. Здоровый человек, проведя ночь нагишом на таком ветру, непременно слег бы с тяжелой лихорадкой, что уж говорить о тяжелобольном наследнике, чьи жизненные силы едва теплились.

Хуайшэн поспешно подхватил Цзыяня под мышки и осторожно опустил в купель. Чтобы удержать хрупкое тело на плаву и не дать юноше захлебнуться, ему пришлось залезть в воду самому. Для закаленного тренировками Хуайшэна вода оказалась слишком горячей — уже через несколько минут его лоб покрылся крупными каплями пота. Однако для Цзыяня целебное тепло пошло на пользу: щеки несчастного постепенно утратили мертвенную бледность, наливаясь едва заметным живым румянцем.

— Я отправлюсь в Комнату для выплавки пилюль, — проговорил Сюаньцин, бросив мимолетный взгляд на купель. — Ровно через полчаса вытащи его, одень и отнеси в Павильон, Хранящем Облака.

— Будет исполнено, учитель.

Едва Хуайшэн ответил, старец развернулся и легкой, бесшумной походкой исчез в бамбуковых зарослях. В запретной роще воцарилась глубокая, первозданная тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом листвы да мерным дыханием спящего юноши.

<http://bllate.org/book/18341/1785071>